

The book cover features a vibrant orange background with a pattern of small, light-colored circles. A large, hand-drawn blue circle with a white center is the focal point. Inside this circle, the author's name 'Юрий Тамин' is written in a black, cursive font. Below it, the title 'ШЁЛ ПО ГОРОДУ ВОЛШЕБНИК' is displayed in large, bold, red and blue capital letters. The illustration includes a boy with red hair, wearing a green and white striped shirt and blue pants, crawling on all fours. A large, brown and tan dog sits next to him, looking up. Above the boy, a small white cat with blue eyes is shown upside down, holding a pink box. Various candies and a red lollipop are scattered around the blue circle. At the top, two hands are shown, one holding a green and red candy. A yellow apple and a green bag are also visible. A small fly is flying near the bottom left.

Юрий Тамин

ШЁЛ ПО ГОРОДУ
ВОЛШЕБНИК

Яркая ленточка

Юрий Томин

Шел по городу волшебник

«Азбука-Аттикус»

1963

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Томин Ю. Г.

Шел по городу волшебник / Ю. Г. Томин — «Азбука-Аттикус»,
1963 — (Яркая ленточка)

ISBN 978-5-389-24710-9

Герой повести замечательного детского писателя Юрия Томина «Шёл по городу волшебник» Толик Рыжков – лентяй и врун. И вот однажды из-за своего вранья он очутился в незнакомом дворе и совершенно случайно стал обладателем коробок с волшебными спичками, которые исполняют любое желание. А на какие именно желания Толик потратил целый коробок и куда эти желания его привели, вы узнаете, прочитав эту весёлую, порой грустную и очень поучительную историю. Повесть впервые вышла в 1963 году и с тех пор постоянно переиздаётся, по ней снят фильм «Тайна железной двери».

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-389-24710-9

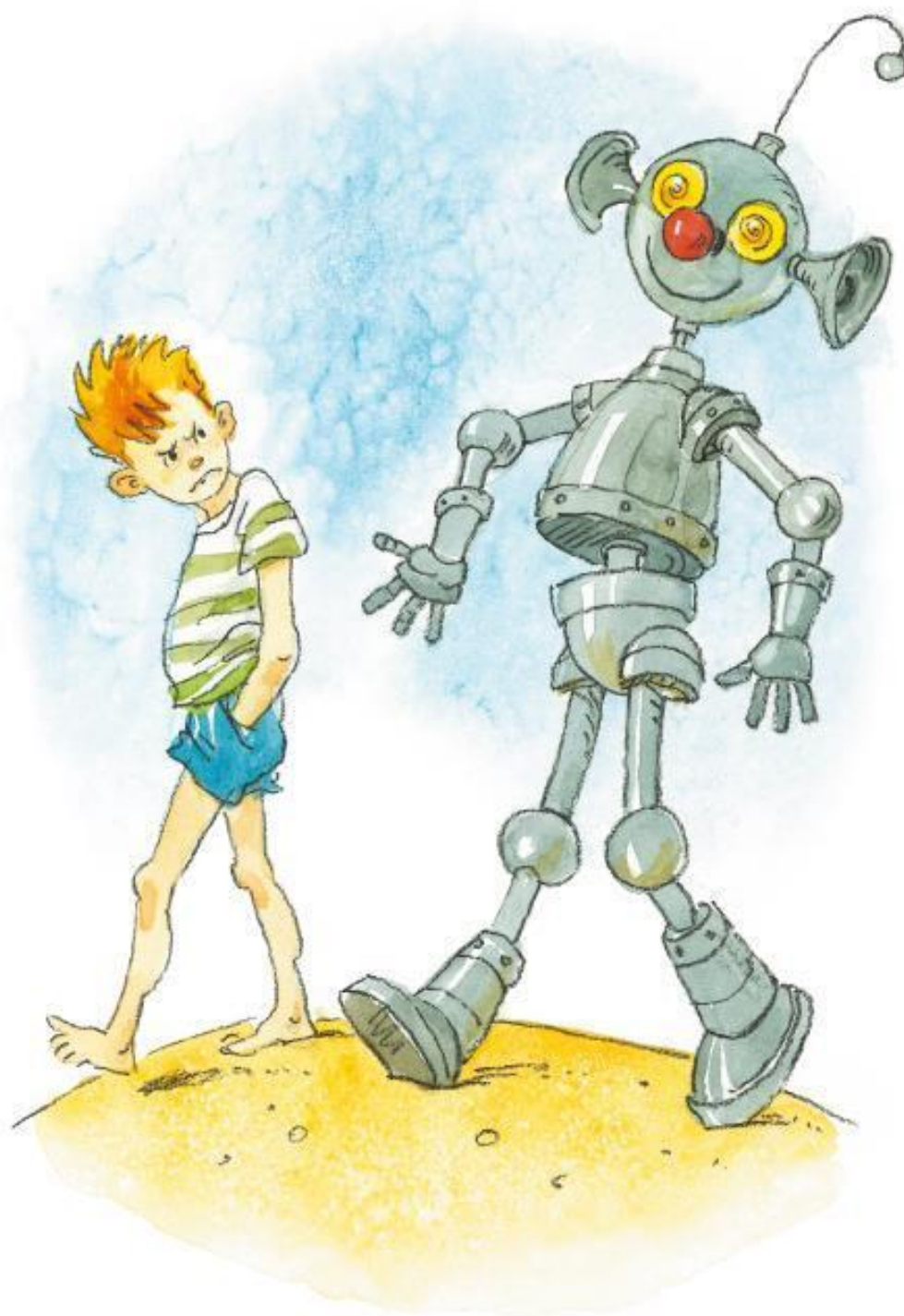
© Томин Ю. Г., 1963
© Азбука-Аттикус, 1963

Содержание

Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Юрий Томин
Шёл по городу волшебник

Художник
Наталья Демидова

© Томин Ю.Г., наследники, 2022

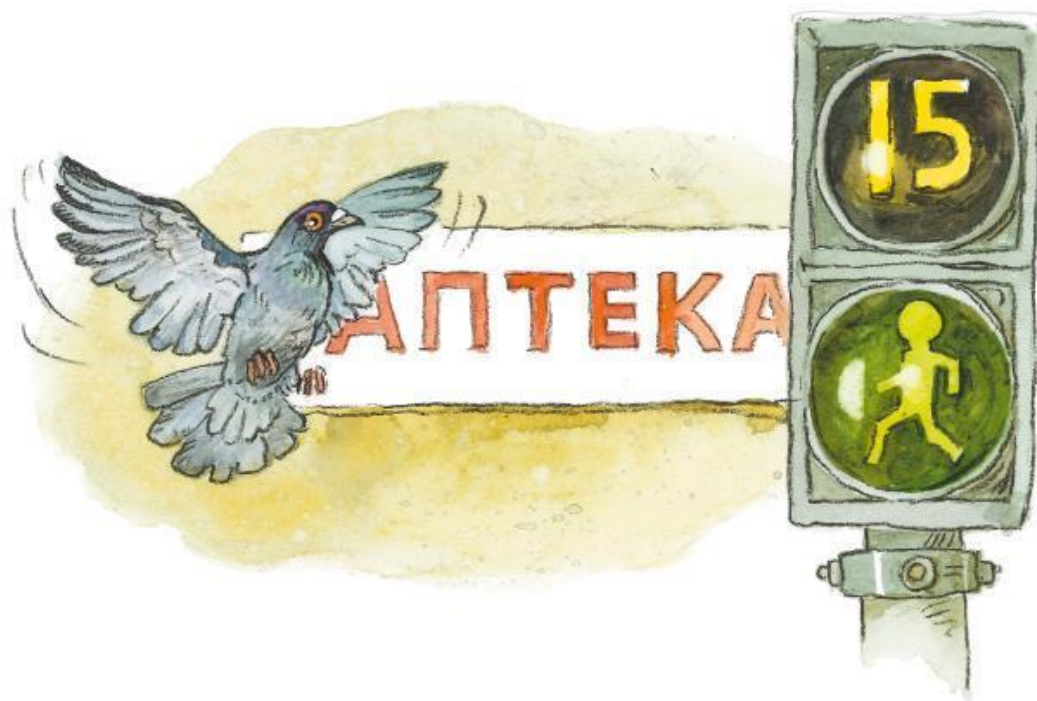
© Демидова Н.Ю., иллюстрации, 2022

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022

Machaon®

Часть первая Мелкие чудеса

Милиционеры очень любят детей. Это каждый знает. Любят они не только своих детей, а всех подряд, без разбору. Не верите – посмотрите детские фильмы. В фильмах милиционеры всегда улыбаются детям. И всё время отдают честь. Как только постовой увидит мальчика, так сразу же бросает свои дела и мчится, чтобы отдать ему честь. А если девочку увидит – тоже мчится. Наверное, ему всё равно – мальчик или девочка. Главное – успеть отдать честь.

Если же кому-нибудь попадётся милиционер, который не улыбается и не отдаёт честь, то это ненастоящий милиционер.

А всё-таки хорошо, что ненастоящие милиционеры иногда встречаются.

В Ленинграде вот есть один такой. И если бы его не было, то ничего не случилось бы с Толиком Рыжковым...

А случилось вот что.

Шёл Толик по проспекту.

Рядом с ним, по мостовой, медленно ехала жёлтая «Волга». Из динамиков, установленных на крыше «Волги», на всю улицу гремел оглушительный и радостный голос диктора:

«Граждане, соблюдайте правила уличного движения! Несоблюдение этих правил часто приводит к несчастным случаям. Недавно на Московском проспекте гражданин Рысаков пытался перебежать дорогу впереди идущей автомашины. Водитель не успел затормозить, и гражданин Рысаков был сбит автомашиной. С переломом ноги он был доставлен в больницу. Граждане, помните: несоблюдение правил уличного движения ведёт к несчастным случаям...»

Толик шёл рядом с «Волгой» и сквозь боковое стекло видел лейтенанта милиции с микрофоном в руках. Лейтенант был молодой и какой-то очень чистенький. Было странно, что у него такой оглушительный голос, хотя бы и по радио.

Толик внимательно, насколько было видно вперёд, оглядел мостовую, стараясь угадать, в каком месте произошло всё это с гражданином Рысаковым. Но угадать было невозможно. В обе стороны, одна за другой, катились машины. Здоровенный самосвал, шлёпая шинами по асфальту, быстро отставал от вертлявого «Москвича», а их обоих, пренебрежительно пофыркивая, обгоняла тяжёлая чёрная «Чайка». И все они проезжали, может быть, над тем местом, где «недавно» лежал неосторожный Рысаков...

«А что, – подумал Толик, – если бы это случилось не “недавно”, а сейчас! Только чтобы машина объехала Рысакова... И – чтобы врезалась в трамвай... Но только чтобы водитель остался цел... А трамвай – сошёл с рельс... Но – чтобы пассажиры все остались целы. А движение по всей улице – остановилось... И тогда нельзя было бы перейти улицу... И я не пошёл бы в школу...»

Толик остановился и стал разглядывать пешеходов, которые перебежали улицу, ловко увильная от автомобилей.

Жёлтая «Волга» ушла далеко вперёд. Толик опасливо покосился на неё и тоже побежал. Он юркнул между двумя автобусами, пропустил трамвай, «скорую помощь» и влетел на тротуар перед самой булочной. Толик направился было к двери и вдруг прямо перед собой увидел милиционера. Тот стоял и смотрел на Толика. Он не отдавал честь и не улыбался.

– Ну, иди сюда, – сказал милиционер.

– Зачем? – пробормотал Толик.

– Иди, иди.

Цепляясь носками за асфальт, Толик подошёл ближе.

– Вам в школе объясняли, как нужно переходить улицу? – спросил милиционер.

Голос у него был сердитый и не насмешливый, а какой-то скучный.

– Нам не объясняли, – на всякий случай сказал Толик.

– А ты сам не знаешь, где можно переходить улицу?

– Мне в булочную надо, – тихо сказал Толик.

Милиционер молчал.

– Я очень торопился...

Милиционер молчал.

– У меня мама больная, – уже увереннее сказал Толик. – А в школу я вообще не хожу никогда. Я за мамой ухаживаю. Мне просто некогда ходить в школу.

– Чем же она болеет? – спросил милиционер.

– У неё раны... – сказал Толик и вздохнул. – От снарядов... и от бомб... и от пуль... Она на фронте воевала. Раньше она мало болела, а теперь – каждый день. И папа – тоже в больнице. Он в милиции работает. Его преступники ранили.

– Как фамилия-то? – спросил милиционер уже не скучным голосом.

– Павлов.

– Вроде слышал про такого, – сказал милиционер после раздумья. – Значит, и в школу тебе ходить некогда?

– Совсем некогда, – вздохнул Толик.

– Ну, беги в свою булочную.

Понурясь, Толик медленно направился к дверям. Вид у него был очень печальный. В булочной Толик так же медленно ходил между прилавками, шаркал ногами, горбился и думал, что, наверное, многие замечают, какой у него несчастный вид, и догадываются о том, что у него больная мама и отец ранен преступниками.

Опустив батон в сумку и чуть не волоча его по полу, Толик вышел из булочной. Милиционер стоял на прежнем месте. Он всё-таки не отдал честь и не улыбнулся, но слегка кивнул головой. Мотнул головой и Толик. Теперь он ничуть не боялся милиционера.

Прежде чем перейти улицу, Толик посмотрел налево. Он ступил на мостовую и посмотрел направо. И в этот момент увидел Мишку Павлова. Мишка бежал прямо к нему и орал на всю улицу:

– Толик! Анна Гавриловна сказала, чтобы нам с тобой сегодня в школу прийти на час раньше!

Толик отвернулся от Мишки, как будто Мишка кричал кому-нибудь другому. Но Мишка налетел на него и опять заорал в самое ухо:

– Я сам её видел! Она сама сказала!

Толик, не обращая внимания на Мишку, посмотрел на милиционера. Тот уже не стоял на месте, а медленно шёл прямо к ним.

Тихонечко, боком Толик двинулся по тротуару. Милиционер пошёл быстрее. И тогда Толик бросился бежать со всех ног.

Мишка, разинув рот, постоял, посмотрел, как убегают от него милиционер и Толик, и тоже бросился за ними.

Толик бежал, ничего не видя. Если бы ему в эту минуту подвернулась машина, он, наверное, сбил бы машину.

Если бы на пути оказалась река, он, конечно, перепрыгнул бы через реку. Он бежал изо всех сил, потому что на свете нет ничего хуже, чем убежать от милиционера.

Мишка давно уже отстал, а Толик ещё и не разогнался как следует. Милиционер, наверное, тоже ещё не разогнался. Он бежал далеко, но догонял понемножку.

На улице останавливались прохожие. Их удивлённые лица мелькали мимо Толика быстро, как фонари в метро.

Самое страшное было то, что вся улица как будто остановилась и замерла. Как будто отовсюду – с боков и даже сверху – все смотрели на Толика и молча ждали, когда он упадёт. А в этой тишине раздавался глухой стук сапог милиционера.

Но интересно, что на бегу Толик успевал ещё кое о чём думать. И так как ногами он переступал быстро, а дышал часто, то и мысли его были очень короткие. Примерно такие:

«Убегу... Нет, не убегу... А может, убегу?.. Мишка видел... Мишка не скажет... Мама не узнает... Анна Гавриловна не узнает... Нужно быстрее... Никто не узнает... А если выстрелит?.. Не имеет права!..»

Стук сапог сзади становился всё ближе. Толик метнулся к дому и вбежал в парадное. Тут была ещё одна дверь – во двор. Толик открыл её, и в этот момент сзади зацокали по ступеням сапоги милиционера. Толик захлопнул дверь и услышал, как она тут же открылась за спиной. Толику стало страшно. Он уже совсем было хотел остановиться, как увидел слева несколько низеньких домиков – гаражей. Между двумя домиками была узкая щель. Толик бросился в эту щель и почувствовал, как что-то схватило его и потащило назад. Но тут же он выскочил из щели, и почему-то бежать стало легче.

Мальчишки, столпившиеся по другую сторону гаражей, так ничего и не поняли. Они видели, как промелькнуло что-то и вслед за ним промелькнуло ещё что-то, а теперь во дворе

стоял милиционер и, разглядывая, вертел в руках сумку с батоном. Он постоял немного и пошёл к воротам. Мальчишки посмотрели ему вслед и снова принялись рисовать на дверях гаражей звёзды и писать мелом, что «Тоська + Вовка = любовь».

А Толик долго ещё не мог остановиться. За его спиной уже никто не топал, но Толик на всякий случай пробежал ещё четыре двора, пролез сквозь какую-то трубу, спрыгнул с какой-то крыши и оказался в маленьком дворике.

Лишь теперь он понял, что за ним уже никто не гонится. Толик осматривался, ища дверь или ворота, через которые можно было бы выйти, но видел только гладкие стены. Это был очень странный двор. Высокие стены – без окон и балконов – уходили вверх, под самое небо. Двор был круглый, как колодец, и посреди него стояло что-то большое и круглое, как консервная банка.

Толик завертел головой, стараясь найти сарайчик, с которого он спрыгнул, но никакого сарайчика не было.

В здании, похожем на консервную банку, оказалась дверь. Толик отворил её и очутился в просторном помещении. Это было очень странное помещение. Откуда-то сверху, с невидимого потолка один за другим медленно опускались голубые шары. У самого пола они вспыхивали голубым светом и гасли, как будто проваливались. Один за одним, один за одним плыли они сверху вниз и лопались, освещая всё вокруг мерцающим светом.

Потом он увидел мальчика.

Мальчик сидел за длинным столом. На одном конце стола высилась груда спичечных коробков. Мальчик взял один коробок, внимательно осмотрел его и переложил на другой конец стола.

– Триста тысяч один, – сказал он.

Толик подошёл поближе. Мальчик, не глядя на Толика, взял ещё один коробок.

– Триста тысяч два.

– Эй, ты чего тут делаешь? – спросил Толик.

– Триста тысяч три, – сказал мальчик.

– Как отсюда выйти? – спросил Толик. – Где тут ворота?

– Триста тысяч четыре, – сказал мальчик.

Толику стало не по себе. Он даже подумал, что это не живой мальчик, а какой-нибудь электрический, вроде робота, которого Толик видел в кинокартине «Планета бурь». Там робот, похожий на человека, ходил на двух ногах и даже разговаривал дребезжащим, как будто железным голосом.

Толик протянул руку к плечу мальчика и тут же отдернул её, словно испугался, что его ударит электрическим током.

– Триста тысяч пять, – сказал мальчик.

Толик начал сердиться. Он был не робот, а живой человек. И потому он умел сердиться. А этого, как известно, не умеет делать даже самый лучший и самый электрический робот.

– Триста тысяч шесть, – сказал мальчик.

Толик почувствовал, что он уже не просто сердится, а прямо-таки злится.

– Триста тысяч семь, – сказал мальчик.

Толик почувствовал, что он уже не просто злится, а прямо-таки лопается от злости.

– Триста тысяч восемь, – сказал мальчик.

«Ну ладно, – подумал Толик. – Сейчас ты у меня замолчишь». Толик вытянул руку и провёл ладонью по спине мальчика, стараясь найти кнопку, которой он выключается. Спина оказалась тёплой и совсем не железной.

– Триста тысяч девять, – сказал мальчик, поднял голову и посмотрел на Толика странными голубыми глазами.

- Ты что, оглох?! – крикнул Толик. – Ты, может быть, глухой, да?
- Я всё слышу, – ответил мальчик. – Триста тысяч десять...
- Сейчас ты у меня получишь! – рассвирепел Толик. – Я тебе покажу, как дразниться. Я тебе покажу триста тысяч! Получишь раза два, тогда узнаешь, где триста тысяч!
- Не мешай, – сказал мальчик. – Ты же видишь – я только что начал новую тысячу.
- Мне всё равно – новую тысячу или новый миллион! – сказал Толик. И вдруг остановился, увидев, как при слове «миллион» глаза мальчика засветились голубым светом.

Внезапно у Толика прошла вся злость. Он вдруг подумал, что всё это очень странно: и двор без ворот, и комната без окон, и какие-то тысячи, и этот мальчик, хоть и не электрический, но, наверное, ненормальный. И как только он подумал об этом, ему снова стало страшно.

- Миллион... – повторил мальчик. – Это важнее всего на свете. Но это так трудно... У меня очень мало времени. Но если ты знаешь про миллион, я могу поговорить с тобой две минуты. А потом ты уйдёшь. Ладно?
 - Я могу и сейчас уйти; ты покажи, где ворота, – сказал Толик.
 - Не знаю... – вздохнул мальчик. – Зачем нужны ворота? Мне они совсем не нужны. Мне нужно набрать миллион.
 - Какой миллион?
 - Миллион коробков. Ровно миллион. И тогда у меня будет больше всех в мире.
 - Зачем тебе столько? – спросил Толик.
 - Так у меня же будет больше всех в мире.
 - Ну и что из этого?
 - Вот и всё, – сказал мальчик. – Больше всех в мире! Понимаешь?
 - Понимаю, – послушно ответил Толик.
- Он ничего не понимал. Он просто боялся молчать. Если он замолчит, то мальчик снова начнёт считать коробки, и тогда станет ещё страшнее.
- А сколько ты уже набрал? – спросил Толик.
 - Триста тысяч десять.

– Здрóво! – сказал Толик, стараясь показать, что ему не страшно. – Набрал – и хорошо. Теперь пойдём во двор, и ты мне покажи, где ворота. Знаешь, я от милиционера удирал... Ох, и бежал здóрово! Но ты тоже молодец: сколько коробков набрал. Теперь можешь показать, где ворота?

– Зачем мне ворота... – грустно сказал мальчик. – Мне нужен миллион коробков. Тогда мне хватит их на всю жизнь.

– На какую жизнь? – спросил Толик и, взяв коробок, повертел его в руках. – Обыкновенный коробок. Зачем тебе на всю жизнь?

Но едва Толик прикоснулся к коробку, мальчик вскочил из-за стола, и глаза его снова вспыхнули странным голубым светом.

– Не трогай! – закричал он. – Это не твоё! Это всё мои коробки. Уходи отсюда! Две минуты уже кончились. Уходи! Оставь коробок!

Толик попятился от стола.

Он хотел повернуться и бежать, но глаза на лице мальчика разгорались всё ярче, они становились всё голубее и прозрачнее, а Толик пятился и пятился, но не мог отвернуться, словно боялся, что его ударят в спину.

Толик отступал, и стол казался ему всё меньше. Около стола прыгала и бесновалась маленькая, будто игрушечная, фигурка мальчика. Она размахивала тоненькими ручками и грозила кулачками, величиной с горошину. А на её лице, будто две звезды, мерцали два холодных голубых огонька.

– Оста-а-авь коробо-о-ок... – донёсся до Толика далёкий голос.

Этот голос словно подтолкнул его. Толик зажмурился и бросился бежать не разбирая дороги. Мимо него мелькали какие-то стены и дома. Потом стали мелькать улицы и города. Затем, уже внизу, поплыли реки и горы. Солнце торопливо бежало по пустому тёмному небу. Но вот и солнца не стало: всё слилось в одну серую полосу, беззвучно уносящуюся назад.

«Я, наверное, сплю, – подумал Толик. – Я видел тёмное небо... Значит, уже ночь и я сплю... Нужно проснуться. Нужно попробовать шевельнуть рукой, и тогда сразу проснёшься...»

Толик шевельнул рукой и открыл глаза.

На синем небе, как приклеенное, застыло солнце. Оно больше никуда не мчалось. И улица была та же самая. И булочная. Пристально глядя на Толика, подходил тот самый милиционер. А рядом с ним шёл Мишка Павлов и орал:

– Я сам её видел! Она сама сказала!

«Я ещё не проснулся, – подумал Толик. – Наверное, плохо шевельнул рукой. Ведь бывает же так: думаешь, что ты проснулся, а на самом деле ещё спишь и во сне видишь, будто проснулся».

Толик снова дёрнул рукой. Что-то зашуршало, застучало у него в кулаке. Толик разжал кулак и глянул вниз. На ладони лежал спичечный коробок. Он был настоящий.

И Мишка был настоящий, потому что он заорал ещё громче:

– Ты что, оглох? Неси свой батон домой, и бежим в школу!

И милиционер был настоящий. Он взял Толика за руку и сказал:

– Если ты с такого возраста врать научился, что же из тебя дальше вырастет? Ну-ка повтори, чем болеет твоя мама?

Толик молчал. А Мишка хоть и не понял пока ещё ничего, но всё же решил заступиться за друга. Он насупился и сурово глянул на милиционера.

– У него мама и не больная совсем. Чего вы её больной обзываете? Она совсем здоровая.

– Вот и мне так кажется, – ответил милиционер и потянул Толика за рукав. – Пойдём со мной, мальчик.

Когда человек идёт по улице рядом с милиционером, то всем ясно, что его ведут в милицию. И когда его ведут, то понятно, что ничего хорошего он не сделал. Скорее всего, он разбил окно, или подрался, или украл чего-нибудь.

Толик шёл по улице рядом с милиционером, и ему казалось, что на него смотрят все прохожие. Конечно, они думали, что он разбил окно, подрался или украл чего-нибудь. И Толик боялся встретить кого-нибудь из знакомых.

А прохожие смотрели на Толика с любопытством и почему-то улыбались. Особенно не понравился Толику один толстый дядька. Мало того, что он сам был толстый! Мало того, что он нёс под мышкой расстёгнутый толстый портфель, набитый толстыми апельсинами! Мало даже того, что улыбаться он начал чуть ли не за сто метров до Толика! Он ещё и сказал, проходя мимо:

– За что забрали, товарищ старшина? Отпустите. Его мама ждёт.

И засмеялся, очень довольный своей толстой шуткой.

Старшина буркнул что-то непонятное. А Толик подумал: «Вот хорошо, если бы забрали сейчас этого толстого дядьку в милицию. И отобрали бы апельсины. И сидел бы он за решёткой, и плакал, и просился, чтобы его отпустили. А дома сидели бы у окна и плакали его толстые дети, потому что им никогда в жизни уже никто не принесёт апельсинов».

Толстяк уже прошёл, а Толик всё ещё смотрел ему вслед. Вдруг произойдёт чудо, и толстяка всё-таки заберут. Толику очень хотелось этого. А когда очень хочешь, то ведь может случиться и чудо... Вот он сейчас пойдёт через дорогу и будет переходить её неправильно – немного правее или немного левее белых полос на асфальте, или пойдёт по красному свету. Тогда – свисток, и... толстые дети никогда не получат апельсинов.

А толстяк между тем подошёл к краю тротуара и... Чудо! Произошло чудо, о котором мечтал Толик! Толстяк переходил улицу прямо по белым полоскам. И тут всё было правильно. Но он шёл на КРАСНЫЙ свет! Вот оно, чудо, которое всегда может случиться, если его очень хочешь!

Но оказалось, что вышла только одна половина чуда. Вторая, главная половина, не получилась. Напрасно Толик ждал свистка. Толстяк спокойно перешёл улицу и протиснулся в двери продуктового магазина. И никто не свистнул. И Толику стало до слёз обидно.

А тот, кто должен был забрать толстяка, в этот самый момент легонько подтолкнул Толика в спину и сказал:

– Не задерживайся, мальчик, не задерживайся. Мне на пост нужно возвращаться.

Уже в третий раз попадался навстречу Мишка Павлов. Каждый раз он забежал вперёд и проходил мимо, подмигивая левым глазом. Всем видом Мишка старался показать, что он с Толиком заодно. Но помочь Мишка, конечно, ничем не мог. Даже тем, что, отойдя на безопасное расстояние, строил рожи не то спине милиционера, не то проезжающему автобусу.

Возле милиции Мишка отстал, и Толику стало совсем тоскливо. Вдвоём было всё же как-то веселее.

В отделении милиции за барьером сидел капитан и писал что-то в толстом журнале. Увидев Толика и старшину, он усмехнулся:

– Вы зачем, Софронов, ребёнка привели? Разве забыли, что у нас детская комната на ремонте?

– Так точно, забыл, товарищ капитан, – сказал старшина.

– А может, вы не забыли, а просто на посту стоять надоело? Решили прогуляться?

– На улице – погода, товарищ капитан, – сказал старшина. – Это не зима. Сейчас на улице – одно удовольствие. А вот мальчик, товарищ капитан, очень странный. С одной стороны, говорит: мать у него на фронте погибла...

– Не погибла, – едва слышно возразил Толик. Но его никто не услышал.

– С другой стороны, – продолжал старшина, – отец, говорит. Это и товарищ его подтвердил. Как фамилия товарища-то? – повернулся старшина к Толику.

– Павлов... – совсем тихо проговорил Толик.

– Вот-вот, – сказал старшина, – а сам, между прочим, тоже Павловым назвался. И через дорогу ходит, где ему вздумается.

Услышав последние слова старшины, Толик вздрогнул и жалобно шмыгнул носом. Лишь сейчас он вспомнил, что назвал старшине не свою, а Мишкину фамилию. Какое за это полагается наказание, он не знал, но уж, наверное, самое маленькое – тюрьма или в школе поставят двойку за поведение.

– Хорошо, товарищ Софронов, идите, – приказал капитан. – Только больше мне тут детский сад не устраивайте и пост по пустякам не бросайте. Не первый месяц служите. Пора привыкать. Ясно?

– Так точно, – сказал старшина и ушёл.

– Ну-ка, Павлов, поворачивайся ко мне лицом, – сказал капитан. – И объясни, пожалуйста, где тебя так врать научили.

– Почему... врать... – запинаясь, пробормотал Толик.

– Потому что никакой ты не Павлов. Верно?

– А как моя фамилия? – спросил Толик.

– Это ты сейчас мне и скажешь.

Капитан усмехаясь смотрел на Толика, и было понятно, что фамилию сказать всё-таки придётся.

– Рыжков.

– Ну вот, теперь ты говоришь правду. Это сразу видно, когда человек правду говорит. Молодец. Твоя мама когда на работу уходит?

– К двум часам, – ответил Толик и победоносно посмотрел на капитана. Сейчас-то он уж точно говорил правду, и капитан ни на чём не мог его поймать. Кроме того, судя по выражению лица капитана, тот вовсе не собирался сажать Толика в тюрьму.

– К двум часам мама ходит на работу, – задумчиво повторил капитан и спросил: – Та самая, которую на фронте убили?

– Я не говорил, что убили! – возмутился Толик. – Это он всё выдумал. Я говорил, что её ранили и она дома лежит.

– Так она, значит, лёжа на работу ходит? – спросил капитан.

Толик ничего не ответил, лишь вздохнул. Чего тут говорить. Не была мама на фронте. А если ещё про папу спрашивать, то совсем плохо дело. Папа, наверное, ни одного преступника в жизни не видел.

– Насчёт папы и преступников, – сказал капитан, – мы лучше и говорить не будем. Вдруг ещё какая-нибудь неприятность выйдет. Верно?

Толик опять ничего не ответил. Он поднял руку и сдвинул кепку на затылок, потому что ему вдруг стало жарко.

– Что у тебя в руке? – спросил капитан.

Толик разжал кулак и протянул капитану коробок со спичками, о котором он давно уже забыл. Капитан взял коробок, раскрыл, вынул одну спичку, повертел её в руках. Спичка была какая-то странная – без головки. Капитан переломил её и бросил в пепельницу.

– Куришь?

– Честное слово, нет! – испуганно сказал Толик. – Хоть у кого спросите.

– Верю, – сказал капитан. – На этот раз верю. Врать ты, Рыжков, любишь. Но не умеешь. Улицу переходить как полагается ты, конечно, умеешь. Но не любишь. Говори-ка мне

быстро номер школы и класс, в котором ты учишься. Я позвоню директору. А может быть, и не позвоню, если с этого дня ты будешь вести себя как полагается.

– Я больше не буду, – всхлипнул Толик.

– Вот я и посмотрю, будешь ты или нет. Говори номер школы и беги домой. А то мама уже думает, что ты пропал вместе с батоном.

Капитан взял ручку и приготовился записывать школу Толика. Но едва Толик открыл рот, за дверями отделения раздался какой-то шум, затем топот. Дверь отворилась, и два милиционера втащили в комнату здорового парня, который изо всех сил упирался. Милиционеры с трудом подтащили его к барьеру, и он встал, покачиваясь и утирая лиловую рожу рукавом пиджака.

– Распивал водку в кафе «Мороженое», – доложил один из милиционеров. – Принёс с собой и наливал из-за пазухи.

– А твоё какое дело? – заорал парень и рванул на себе пиджак. – Если и выпил – так на свои. Где хоч, там и пью! Я, может, с горя пью.

– Тихо, гражданин Зайцев, – спокойно сказал капитан. – Вы не к приятелю в гости пришли, а в милицию. Причём в нетрезвом виде. А горе ваше мы хорошо знаем. Работать не хотите, бездельничаете и пьянствуете – вот и всё ваше горе. Не знаем только, откуда вы на водку деньги берёте.

– Это моё дело, – неожиданно спокойно сказал парень. – Вы, гражданин начальник, свои деньги считайте. А мои на том свете сосчитают.

– Может быть, – согласился капитан. – Но вот то, что мы вам поверили, когда вас из заключения выпустили, – это уже наше дело. Вас на работу устроили – вы трёх дней не поработали. Вам, понимаете, прописку дали в городе, а вы только город позорите. Устраиваете, понимаете, скандалы и пьянство. По старой дорожке пошли?

– Да я... да я ведь... Эх! – дурным голосом крикнул парень и снова рванул на себе пиджак. Он нелепо замахал руками, лицо его перекошилось.

Милиционеры придвинулись поближе к нему. Толик подумал, что он сейчас бросится на капитана, и на всякий случай отодвинулся в угол. Но парень никуда не бросился. Он схватился за воротник рубашки и несильно дёрнул. Отлетела верхняя пуговица. Затем покосился на капитана и дёрнул ещё раз. Отлетела следующая пуговица.

– Бросьте спектакли устраивать, Зайцев, – сказал капитан. – Это я уже видел.

– Да я... – всхлипнул парень. – Я, может быть, целый день работу ищу. Я, может, оттого и пью, что работы нет. Может, у меня руки горят. Я – ч-человек! Понятно, начальник?

Капитан нахмурился. Он машинально вынул спичку из коробка, переломил её и швырнул на стол.

– Послушать вас, Зайцев, – не человек вы, а прямо голубь. Хотелось бы мне, чтобы вы таким голубем стали. Да не получается...

И тут произошло такое, чего не случалось ещё ни в одном отделении милиции. Не успел закончить капитан фразу, как посреди комнаты что-то вспыхнуло и сразу же превратилось в серый вихрь. Тёплая волна воздуха ударила Толика в лицо. Он зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что на том месте, где только что стоял Зайцев, никого не было.

Оба милиционера смотрели на пустое место.

Капитан вскочил из-за стола и замер, широко открыв глаза.

И в ту же секунду с пола взвился белый голубь.

Он заметался по комнате, ударяясь головой в окна и дверь, отчаянно хлопал крыльями, шараялся от стены к стене, пока случайно не вылетел прямо в форточку и, скользя между прутьями решётки, оказался на улице. В окно было видно, как он круто взмыл вверх и исчез.

Капитан растерянно посмотрел в угол. Там стоял Толик.

– Твой голубь?

– Н-нет... чес-с... сло... – дрожащим голосом сказал Толик.

Капитан выскочил из-за перегородки и подбежал к милиционерам.

– Где задержанный?!

– К-к-кажется... у-ушёл... – запинаясь, проговорил один из милиционеров.

– Догнать! – закричал капитан. – Догнать немедленно!

– Е-е-есть... – отозвался второй милиционер, и все трое, вместе с капитаном, выбежали на улицу.

Толик из своего угла со страхом оглядывал комнату. Никогда ещё не приходилось ему переживать столько приключений в одно утро. Сначала он даже не подумал, что теперь можно спокойно уйти и капитан никогда уже не узнает номера его школы. Толик боялся пошевелиться. Кто его знает... Может быть, стоит шевельнуться, и в комнате снова появятся милиционеры и пьяный Зайцев. Сегодня всё может случиться. Толик посмотрел на окно. Может быть, это всё-таки сон? Разве не бывает, что человеку снятся милиционеры, голуби, пьяные и даже мальчики со странными голубыми глазами? Бывает. Конечно, бывает. Только почему на одном из прутьев решётки за окном прилепилось и дрожит белое пёрышко? Оно как раз на уровне форточки, в которую вылетел голубь. И что это за куча тряпья на полу у самого барьера?

Наконец Толик решил выйти из своего угла. Осторожно, боком, он подошёл к барьеру. На полу лежала одежда. Сверху был пиджак, из-под него выглядывали две брючины. Из рукавов пиджака торчали обшлага рубашки. Это была одежда Зайцева. Она лежала так, как

будто ещё хранила форму человеческого тела. Удивительно, что её не заметили милиционеры. Наверное, очень торопились.

Пока ещё ничего не понимая, Толик тронул пиджак носком ботинка и отскочил в сторону. Он боялся, что из-под одежды выскочит пьяный Зайцев. Но никто не выскочил. Пиджак сдвинулся в сторону, и показались носки ботинок, не чищенных, пожалуй, лет сто.

Сомнений не было. Всё это принадлежало Зайцеву.

Но даже если Зайцев был фокусником, если он умел выскакивать из одежды за одну секунду, всё равно он не мог убежать без ботинок. Это уж Толик знал точно. Ботинки были зашнурованы. И на всём свете нет такого человека, который умеет снимать ботинки не расшнуровывая. Даже если он пьяный или фокусник.

Внезапно Толик снова вспомнил мальчика со странными голубыми глазами и его отчаянный крик: «Оста-а-авь коро-о-бо-ок!..» Почему он так кричал, если у него было ещё триста тысяч таких коробков? Неужели ему жалко одного коробка? Ведь Толик и взял-то его случайно.

И опять Толик подумал, что всё это ему снится. Только сон какой-то уж слишком длинный, и непонятно, почему он никак не может кончиться.

Толик подошёл к барьеру и, просунув руку, дотянулся до коробка, который отобрал у него капитан. Он потряс рукой, и спички забрякали в коробке. Да, это был тот самый коробок. И значит, сон тут ни при чём, потому что Толик никогда не носил с собой спичек.

И вдруг Толику всё стало ясно. Это было невероятно и очень просто. Это было сказочно, необыкновенно, нелепо и в то же время совершенно понятно, если допустить, что на свете ещё могут случаться чудеса.

Зазвонил телефон на столе капитана. Толик вздрогнул и, словно очнувшись, бросился к двери. Он выскочил на улицу и пустился бежать со всех ног.

На этот раз Толик быстро устал, – слишком много приходилось ему сегодня бегать. Он свернул в какую-то подворотню и остановился, тяжело дыша. Мимо прошла незнакомая женщина и подозрительно, как показалось Толику, взглянула на него.

– Не набегался ещё? – спросила она.

– Извините... – робко сказал Толик, пряча руку с коробком за спину.

Женщина ушла. Толик поднёс коробок к самым глазам и стал внимательно его рассматривать. Коробок был обыкновенный. Вернее, он казался обыкновенным. И во всём мире лишь Толик да, может быть, ещё мальчик со странными голубыми глазами знали, что коробок был **ВОЛШЕБНЫЙ!**

Зайцев никуда не исчез. Он **ПРЕВРАТИЛСЯ** в голубя. «Хотелось бы мне, чтобы вы стали голубем...» – сказал капитан. И Зайцев **СТАЛ** голубем. Он стал голубем потому, что капитан в это время переломил спичку из коробка, принадлежавшего мальчику со странными голубыми глазами. И если бы капитан знал, что это за коробок, он сразу понял бы, что Зайцев никуда не убежал, а на его глазах вылетел в форточку. Теперь они до вечера будут бегать по улицам, чтобы поймать Зайцева, а Зайцев, распушив хвост, будет прохаживаться по тротуару перед самой милицией и подбирать крошки.

Так думал Толик. Но чем больше он уверял себя в том, что коробок волшебный, тем страшнее ему становилось. Если этот коробок может превратить человека в птицу, то неизвестно, что он может выкинуть с ним, с Толиком. Хорошо, если ещё превратит в голубя – хоть полетать можно. А если, например, в свинью? Придёт Толик в класс. Анна Гавриловна начнёт его спрашивать, а он будет только хрюкать! Толик на минуточку представил себе, как ребята таскают его за хвост, а он вырывается и визжит поросычьим голосом. И нельзя никому пожаловаться, потому что ни один человек не станет разговаривать со свиньёй.

Чем больше думал Толик о своей будущей поросычьей жизни, тем опаснее казался ему этот коробок. И ещё показалось Толику, что коробок в его руках как будто стал нагреваться.

Что произойдёт дальше, Толик дожидаться не стал. Он решил, что на сегодня приключений хватит, швырнул коробок на землю и пошёл прочь.

Пройдя один квартал, Толик снова вышел к булочной. Видно, сегодня все дороги вели к этой булочной, возле которой прохаживался знакомый постовой.

Толик быстро перебежал на другую сторону улицы и уже хотел свернуть в свой переулок, как вдруг чуть не столкнулся с толстым дядькой. Тот выходил из магазина. Кроме портфеля, в руках у него были теперь ещё и толстые свёртки. Из одного кулька выглядывали толстые сардельки, и дядька придерживал их толстыми пальцами. Да и сам он стал как будто ещё толще и ещё противнее улыбался своими толстыми губами.

Он не заметил или не узнал Толика, и от этого Толику стало ещё обиднее.

И тут Толик подумал: теперь ничего не стоит отомстить толстяку. Ему так захотелось отомстить, что он, забыв страх перед милиционером, бросился бежать через улицу. Он очень торопился. Он боялся, что толстяк уйдёт прежде, чем он успеет вернуться.

Пулей Толик ворвался в подворотню. Коробок лежал на прежнем месте. Толик схватил его и помчался обратно.

Толстяк уже заворачивал за угол. Толик отвернулся к стенке дома, сломал спичку и шёпотом сказал:

– Хочу, чтобы этого толстого забрали в милицию.

Толстяк уже почти скрылся за углом. Постовой спокойно прохаживался по улице. Вдруг он остановился, подозрительно посмотрел вслед толстяку, поднёс к губам свисток и, отчаянно свистя, побежал наискосок через улицу. Он быстро догнал толстяка и сказал:

– Гражданин, пройдите в отделение.

Толстяк, ничего не понимая, повернулся к нему:

– Это вы мне?

– Вам, гражданин.

– Но за что? Что я сделал?

– Ничего не знаю, гражданин. Пойдите со мной.

Толстяк тяжело вздохнул, поправил расползающиеся свёртки и покорно пошёл вслед за милиционером.

Дверь Толику открыла мама, ничего хорошего в этом не было. Он думал, что мама уже ушла на работу. Она возвратится вечером. А вечером можно было лечь спать пораньше. Никто не станет будить единственного сына, чтобы выругать его за утренние дела.

– Так... – сказала мама.

Мамино «так» тоже не предвещало ничего хорошего. Толик молча шмыгнул мимо неё в ванную. Там он открыл сначала горячую, потом холодную воду, потом сделал среднюю и долго мыл руки. Мама стояла в дверях ванной и молча наблюдала за Толиком. Пришлось мыть и лицо. С мылом. Но мама не уходила. Тогда Толик стал чистить зубы. И тут мама не выдержала.

– Ты где был? – грозно спросила мама.

– У-гр-р-р... бул... кр-р-л... – ответил Толик, не вынимая изо рта зубную щётку.

– Положи щётку.

Толик вынул щётку и набрал в рот воды.

– Ты где был? – снова спросила мама.

– Очень холодная вода, – сказал Толик и пустил погорячее.

– Я спрашиваю: ты где был?

– Я? – сказал Толик.

Мама взяла с вешалки полотенце, вытерла Толику рот и вытолкнула его из ванной. Толик хотел удрать в комнату, но мама взяла его за шиворот, вытащила на кухню и усадила на табуретку. Перед Толиком стояла тарелка остывшего супа. Толик быстро схватился за ложку, надеясь оттянуть расплату.

– Не смей есть! – сказала мама.

– А я как раз не хочу есть, – тонким голосом отозвался Толик. – Знаешь, мама, у меня аппетита нет.

– Я тебе покажу «не хочу»! Ешь немедленно!

Толик быстро запустил ложку в суп. Но мама быстро поняла свою оплошность.

– Положи ложку! Отвечай, где был.

– Знаешь, мама, – сказал Толик, – я по улице шёл, а там такое большое движение...

– Я опоздала на работу, – сказала мама. – Я всё время стояла у окна. Я думала, ты попал под автобус.

– Это не я попал, а Рысаков. Но ты не бойся, его отвезли в больницу.

– Я боюсь, что ты растёшь бессовестным негодяем, – сказала мама, и в глазах её появились слёзы.

Теперь Толику на самом деле расхотелось есть. Он очень не любил, если мама плакала. Тогда он просто не знал, что делать. Ему было жалко на неё смотреть. И хотелось убежать из дому, чтобы не видеть, как она плачет. Но сейчас убежать было невозможно.

Толик посопел, повздыхал и принялся утешать маму.

– А знаешь, чего я на улице видел! – сказал он. – Там на улице один дяденька купил сардельки. Толстый такой. А один мальчик украл у него сардельку и побежал. А милиционер за ним погнался. И я тоже погнался. Я его первый догнал. А милиционер сказал мне «спасибо» и записал адрес, чтобы позвонить в школу. Этого милиционера преступники ранили. А я...

Но мама не дала Толику рассказать про преступников. И хотя слёзы на её глазах исчезли, легче от этого не стало.

– Замолчи, вун, – сурово сказала мама. – Почему-то ни с кем другим ничего не случается. Только у тебя всё время какие-то преступники. Мне давно надоело твоё враньё. Три дня не пойдёшь на улицу!

Толик беспокойно завозился на стуле. Конечно, он виноват. Расстроил маму. Но три дня – это уж слишком. На три дня она, пожалуй, не наплакала.

А мама в это время пристально посмотрела на ноги Толика. Толик тоже посмотрел, но ничего особенного не увидел. Впрочем, и мама не увидела. Она услышала. Просто удивительно, до чего у всех мам чуткие уши. Кроме того, у них ловкие руки. Как у фокусников.

В одну секунду рука мамы оказалась в кармане брюк Толика и вытащила коробок со спичками.

– Толик, ты куришь! – с ужасом сказала мама.

Толик взглянул на коробок. Он совсем забыл про него, как только мама заплакала. И в ту же секунду Толик понял, что надо делать.

Он выхватил коробок из маминых рук, бросился в ванную и сломал спичку.

Когда Толик вернулся в кухню, мама встретила его радостной улыбкой. Она обняла Толика, погладила его по голове и поцеловала в щёку.

– Славный ты у меня мальчик, – сказала она.

– Угу, – ответил Толик.

– Как ты ловко выхватил коробок, – сказала мама. – Я так обрадовалась. Ты просто настоящий спортсмен.

– Мама, ты на работу пойдёшь? – спросил Толик.

– Нет, мальчик, сегодня не пойду. Как же я могу пойти на работу, если тебе нужно погреть суп? Ты ведь устал, бедный, на четвёртый этаж поднимался с этим батоном. А я, глупая, сама не догадалась сходить. А батон-то тебе дали какой грязный! Я сейчас сбегая за новым.

– Не надо, мама. Я сам его испачкал. Я этим батоном в футбол играл, – сказал Толик, решив до конца выяснить могущество ко-робка.

– Батоном? В футбол? – спросила мама и засмеялась счастливым смехом. – Смотри, какой молодец! Я догадалась: у тебя не было мяча и ты играл батоном. Я всегда говорила, что ты сообразительный ребёнок. Но я куплю тебе мяч. Может быть, тебе иногда захочется поиграть мячом. Только ты не думай, что я тебя заставляю играть мячом. Если хочешь, играй батоном.

– Купи два мяча. И канадскую клюшку. И две шайбы, – сказал Толик.

– Обязательно, – сказала мама.

Между тем ловкие мамины руки делали всё что нужно, и вскоре перед Толиком появился подогретый суп, второе и даже банка консервированных ананасов, которую берегли к празднику.

Мама села напротив Толика и с доброй улыбкой наблюдала за тем, как он вылавливает пальцами кружочки ананасов.

– А почему ты не ешь суп и второе? – озабоченно спросила мама.

– Не хочу.

– Правильно, – сказала мама. – Всегда нужно делать только то, что тебе хочется.

Толик доел ананасы и сунул руку в карман – проверить, на месте ли коробок. Мама внимательно за ним следила. Она услышала бряканье спичек и тяжело вздохнула.

– Когда я увидела спички, Толик, – сказала мама, – я очень расстроилась. Я сразу догадалась, что ты начал курить. И я расстроилась потому, что во всех магазинах висят эти глупые объявления: «Детям до шестнадцати лет табачные изделия не отпускаются». А ведь тебе всего одиннадцать. Это просто ужасно, что ты не можешь купить себе папирос. Я теперь сама буду для тебя покупать.

Толик посмотрел на маму. Может быть, она всё-таки шутит? Чего-чего, а уж курить Толика не заставишь. Подумаешь, удовольствие – дышать всяким дурацким дымом!

Но мама, кажется, не шутила. Её доброе лицо просто светило от удовольствия, что она видит Толика и разговаривает с ним. Сейчас она была готова выполнить любое желание сына. И Толик подумал, что если он вдруг поцелует маму, то она снова заплачет, но на этот раз уже от радости. На какое-то мгновение Толику стало неловко, как будто он заставил маму сделать что-то нехорошее, как будто он обманул её. И мама, словно маленький ребёнок, поверила обману и сделалась послушной, ужасно доброй, но перестала быть прежней мамой.

Однако Толик подумал, что всё это не так уж плохо. Ананасы, в конце концов, гораздо приятнее получать, чем подзатыльники. Два мяча и канадская клюшка тоже не помешают. А если искать виноватых, то Толик здесь ни при чём, а виноваты спички и мальчик со странными голубыми глазами.

Всё же, чтобы доставить маме приятное, Толик сказал, что он вовсе не курит и курить никогда не будет. И мама обрадовалась так же, как раньше, когда думала, что Толик начал курить.

Затем мама пошла в комнату и сложила в портфель учебники и тетрадки Толика. Она специально проверила по дневнику расписание уроков, чтобы положить всё нужное и ничего не забыть.

На прощание она ещё раз поцеловала Толика, открыла ему дверь и всё время махала рукой, пока он спускался по лестнице.

А Толик, спустившись вниз, остановился. Он засунул руку в карман, нащупал коробок и засмеялся от удовольствия.

Началась новая, совершенно сказочная жизнь.

Когда Толик вошёл в класс, все уже сидели на местах. Анна Гавриловна показывала что-то на карте. Она обернулась на скрип двери.

– Добро пожаловать, Рыжков, – сказала Анна Гавриловна. – Ты почему опоздал?

– Я? – спросил Толик.

– Ты, – сказала Анна Гавриловна.

– Я... – произнёс Толик и задумался.

Анна Гавриловна улыбнулась:

– Не успел ещё придумать?

– Я... нет... – сказал Толик.

– Садись на место, Рыжков. Поговорим после урока.

Анна Гавриловна повернулась к карте и стала объяснять дальше. Толик сел на своё место, рядом с Мишей.

– Отпустили? – спросил Мишка.

– А ты никому не говорил?

– Нет.

– Теперь можешь говорить, мне всё равно, – прошептал Толик и похлопал себя по карману.

– Чего там у тебя? – спросил Мишка.

– Ничего. Много будешь знать – скоро состаришься, – ответил Толик.

– Рыжков и Павлов! – сказала Анна Гавриловна не оборачиваясь.

Мишка и Толик притихли и стали слушать. Анна Гавриловна рассказывала о том, как изменится карта нашей страны через десять лет. Она говорила о плотинах, которые построят за это время. Говорила о реках, как они разольются шириной чуть ли не с море.

– Я теперь могу любую реку переплыть, – шепнул Толик.

Мишка посмотрел на него и молча постучал по лбу согнутым пальцем. Но Толик даже не рассердился. Мишка ведь не знал ничего.

Потом Анна Гавриловна стала рассказывать о том, какие богатства скрываются на дне океанов: всякие водоросли, которые можно есть, нефть и что-то ещё такое, чего Толик не слышал, потому что в этот момент говорил Мишке:

– Я теперь и океан любой могу переплыть.

Мишка снова постучал пальцем по лбу. На этот раз Толик обиделся.

– Сам дурак, – сказал он. – Не знаешь ничего – и молчи.

– Рыжков, – сказала Анна Гавриловна, – повтори, что я говорила.

Толик вскочил с места:

– Вы говорили про плотины и про водоросли.

– Что я говорила про плотины и про водоросли?

– Их можно есть.

– Плотины можно есть? – спросила Анна Гавриловна.

Ребята дружно засмеялись. Мишка тоже засмеялся. Толику стало совсем обидно. Если бы они знали, что у него в кармане, то не смеялись бы, а плакали от зависти.

– Плотины нельзя есть, – буркнул Толик. – Они железные.

– Они бетонные, – сказала Анна Гавриловна. – Ставлю тебе двойку за невнимательность.

Двойку Толику получать не хотелось. Двоек у него в этой четверти не было. Это не очень приятно – в первый раз получать двойку. И Толик сунул руку в карман.

– Ой, Анна Гавриловна, можно выйти на минутку?

– Что случилось?

– Мне... мне плохо...

Анна Гавриловна пожала плечами.

– Иди.

Толик выскочил за дверь. Пока он ходил, Анна Гавриловна открыла журнал и поставила против фамилии Рыжков двойку.

Толик вернулся почти сразу. Он скромно сел на место рядом с Мишкой и уставился на Анну Гавриловну. Анна Гавриловна подняла голову.

– Рыжков, – сказала она, – я поставила тебе двойку за невнимательность. А теперь... я... переправляю её... на... пятёрку. Я делаю это потому, что... потому... Я не знаю почему. Так нужно. Ты... очень... хороший... ученик... Рыжков.

Анна Гавриловна подняла руку и устало потёрла лоб.

– На сегодня закончим, – сказала Анна Гавриловна и быстро вышла из класса.

Ребята все, как один, посмотрели на Толика. Они ничего не понимали. Они знали Анну Гавриловну с первого класса. У неё никогда не было любимчиков. Двойки она всегда ставила за дело. Пятёрки – тоже за дело. Ответил плохо – двойка, хорошо – пятёрка. Толик почти всегда отвечал хорошо. Но сегодня он, конечно, заслужил двойку.

Наконец Лена Щеглова не выдержала.

– Эй, Рыжков, – сказала она. – Отличник Рыжков. Расскажи ещё про железную плотину.

И сразу ребята повскакивали с мест и окружили парту Толика.

– Отличник! – закричали они. – Отличник! Плотину съел.

– Она, может, пошутила, – отбивался Толик. – Может быть, у неё голова болит, вот она и ушла.

– Ничутьки она не пошутила, – сказала Лена Щеглова. – Она переправила двойку на парту. И даже кляксу поставила. Я сама видела. Она из-за тебя ушла.

А Лёня Травин – мальчик, который умел играть на скрипке, – сказал:

– Ты должен извиниться перед Анной Гавриловной.

– Чего мне извиняться! – возмутился Толик. – Я сам себе, что ли, поставил? Она сама поставила! Я за неё отвечать не буду.

– Тогда мы сходим и попросим, чтобы она тебе опять на двойку переправила. Потому что это нечестно, – сказал Лёня.

– И пожалуйста, – засмеялся Толик. – Всё равно она тебя не слушает. Ты лучше на скрипке играй.

– Кто пойдёт со мной к Анне Гавриловне? – спросил Лёня.

Но идти почему-то никто не захотел. Даже Лена Щеглова, хотя она и считала себя самой справедливой девчонкой в классе. Наоборот, ребята один за одним стали отходить от парты Толика и рассаживаться по местам. И Лена отошла. Только напоследок она сказала:

– Трусливо и нечестно.

– После уроков получишь, – ответил Толик.

Возле парты остался один Лёня.

– Тогда я один пойду, – сказал он.

Неожиданно с места вскочил Мишка:

– Я тоже пойду.

– Иди, пожалуйста! – возмутился Толик. – Всё равно у вас ничего не выйдет. А ты – предатель.

– Ничего я не предатель. Просто мне интересно, – обиделся Мишка. – А если будешь обзывать, я про милицию расскажу.

– Ха-ха-ха, – сказал Толик. – Ни капельки не страшно.

В этот момент открылась дверь и в класс заглянул директор. Ребята вскочили. Четвёртый класс здорово боялся директора. Его и пятые классы боялись. И шестые, седьмые, восьмые – тоже. Потому что он мог исключить кого угодно в два счёта.

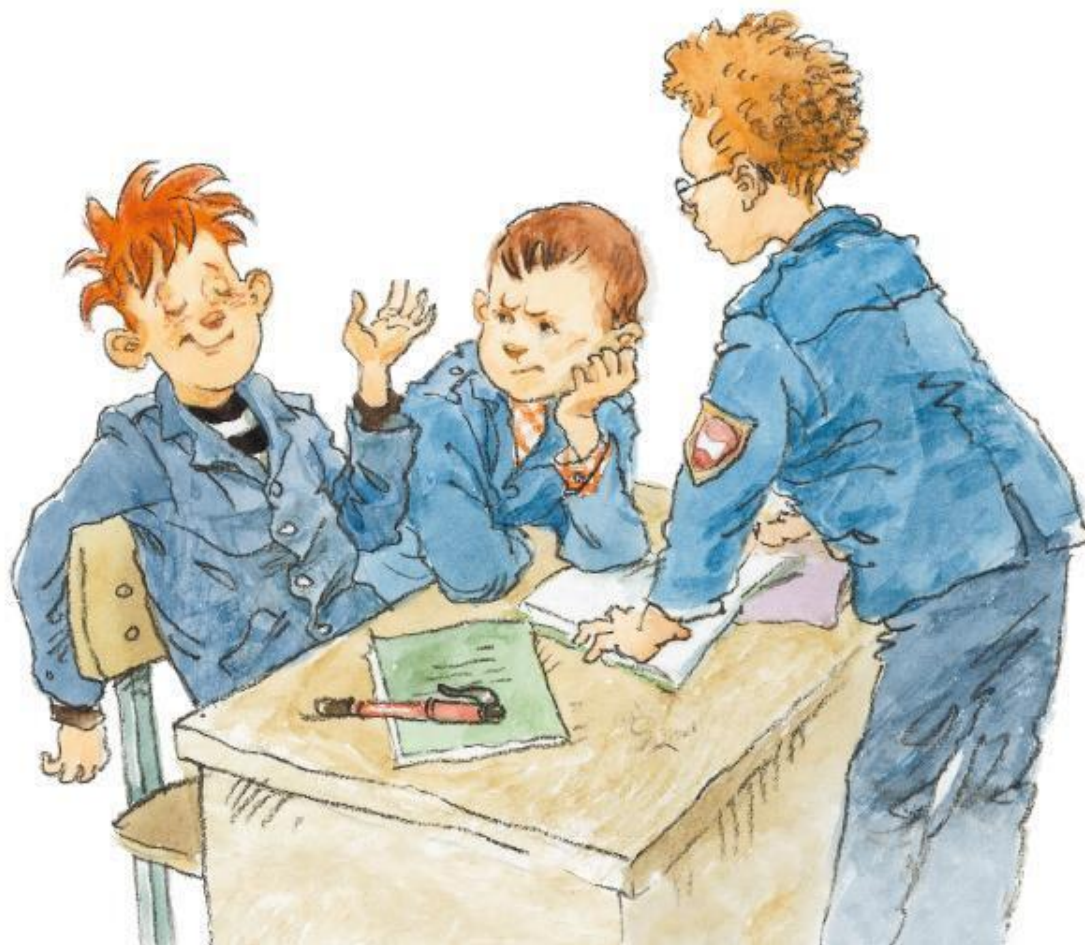
– Какой у вас урок? – спросил директор.

– Природоведение, – ответила Лена Щеглова.

– А где Анна Гавриловна?

– Она... ушла.

– Куда ушла?

Ребята молчали. Им не хотелось выдавать Анну Гавриловну директору. Может быть, ей попадёт за то, что она ушла из-за Толика. А если директор узнает, что она поставила вместо двойки пятёрку, то может и её исключить в два счёта.

Наконец Лёня, который собирался уходить в музыкальную школу и потому немножко меньше других боялся директора, сказал:

– Очевидно, у неё голова заболела.

– Гм, – сказал директор и вышел.

И сразу все опять набросились на Толика. Ребята кричали, что из-за него теперь попадёт Анне Гавриловне. Может быть, её даже исключат из школы. Тогда Толик пускай лучше в класс не приходит. А Лена Щеглова предложила пойти и всё честно рассказать директору и попросить, чтобы он простил Анну Гавриловну. Тогда все набросились на Лену. Потому что если рассказать, то директор наверняка всё узнает. А так, может быть, и не узнает. В классе стоял такой шум, что никто не услышал, как вошла Анна Гавриловна.

– Почему вы так шумите? – сказала Анна Гавриловна. – Вас на одну минуту нельзя оставить. Садитесь по местам.

Ребята быстро расселись, поглядывая на Анну Гавриловну. Всем было интересно узнать, что ей сказал директор. А может быть, директор её и не встретил? Лучше, если бы не встретил. Никто не хотел, чтобы её исключили из школы. А это вполне могло случиться. Ведь директор главнее любого учителя.

Анна Гавриловна сидела за столом, наморщив лоб. Она как будто хотела что-то вспомнить и не могла. И молчала.

Первой не выдержала Лена Щеглова.

– Анна Гавриловна, – сказала она, – а сейчас директор приходил.

– Я знаю, – кивнула Анна Гавриловна.

– А мы сказали, что у вас голова болит...

Анна Гавриловна обвела взглядом класс. Она увидела сияющие лица. Всем было приятно, что они так ловко обманули директора и не выдали Анну Гавриловну. Анна Гавриловна улыбнулась, и сразу исчезли морщины на её лбу.

– Вот вы какие заговорщики, – сказала она. – А я и не знала...

– Конечно, – ответила Лена. – Вы не бойтесь, Анна Гавриловна. Мы никому не скажем.

– Что же вы не скажете?

– Что вы Рыжкову пятёрку поставили.

– Ничего не понимаю, – сказала Анна Гавриловна. – Конечно, я поставила ему пятёрку. Почему это нужно скрывать? Он очень хорошо отвечал. Я ДОЛЖНА была поставить ему пятёрку.

Ребята переглянулись. Они никак не могли понять, что случилось с Анной Гавриловной. На время все даже забыли про Толика. А Толик съёжился и даже сполз немного под парту, чтобы стать незаметнее. Уж он-то знал, в чём тут дело.

– Ничего не понимаю, – повторила Анна Гавриловна. – Почему вы на меня так смотрите? Что случилось, Щеглова?

– Я... не знаю, Анна Гавриловна, – растерянно сказала Лена и села.

Анна Гавриловна в недоумении посмотрела на Толика:

– Рыжков, может быть, ты объяснишь, в чём дело. Почему все так волнуются из-за твоей отметки?

– Я... я не знаю, Анна Гавриловна.

Толик поднялся за партой и склонил голову набок, будто и ему самому всё было удивительно. В этот момент комок жёванной промокашки стукнул Толика по уху.

– Громов, выйди из класса, – сказала Анна Гавриловна.

Женя Громов молча направился к двери. Его не в первый раз выставляли из класса. Но сегодня все понимали, что Громов пострадал ни за что. Все с сочувствием смотрели на Женю и потихоньку показывали кулаки Толику. Даже Лёня Травин показал кулак, хотя он никогда не дрался. Лёня боялся повредить пальцы. Тогда из него не получится великий скрипач.

Дверь за Громовым закрылась.

– Я жду, Рыжков, – сказала Анна Гавриловна.

Толик покраснел и завозил руками. Он очень жалел, что поступил так неосторожно. Он уже понял, что пятёрки надо получать совсем по-другому. С завтрашнего дня у него будут одни пятёрки. А сейчас... Сейчас надо что-то отвечать Анне Гавриловне.

– Я, Анна Гавриловна, – начал было Толик, но тут же как-то странно дёрнулся и плюхнулся на скамейку. Это Саша Арзуханян, дотянувшись ногой под партой, стукнул его под коленку.

– Арзуханян, сядь на переднюю парту, – сказала Анна Гавриловна.

И Саша Арзуханян, который не боялся спорить даже с самой учительницей, на этот раз молча прошёл по классу и сел на переднюю парту.

– Сядь, Рыжков, – сказала Анна Гавриловна. Она обвела взглядом класс и добавила: – Я всегда думала, что мы с вами друзья. И у нас был уговор: всё честно рассказывать друг другу. Пока я выходила, что-то случилось. Но вы не хотите со мной разговаривать. Я вижу, что вы ко мне стали плохо относиться...

– Нет, Анна Гавриловна! Нет! – закричали ребята.

Но Анна Гавриловна продолжала:

– Подумайте и сами решите, будем мы с вами дальше дружить или нет. А наказывать я никого не буду. Ни Громова, ни Арзуханяна. Можете вести себя как хотите.

Раздался звонок. Анна Гавриловна взяла журнал, указку и вышла из класса. Ребята молчали. Потом Саша Арзуханян сказал:

– Ну ладно, Рыжков, пусть только уроки кончатся...

После уроков Толик вышел из класса последним. Он не пошёл сразу на улицу. Он походил по пустым коридорам, заглянул в спортзал. Там старшеклассники играли в баскетбол. Толик прокрался в зал и сел в уголке. Несколько минут его не замечали, но потом мяч откатился к самым его ногам. Потный и свирепый десятиклассник подобрал мяч и закричал:

– Ты чего под ногами путаешься!

– Я не путаюсь, – сказал Толик.

– Ты ещё у меня поговори! – зарычал десятиклассник.

Толик встал со скамейки и тихонько пошёл к дверям. Бесплезно спорить с десятиклассником. Особенно если он проигрывает. Когда проигрывают, всегда злятся не на того, на кого нужно.

Толик поднялся на второй этаж, заглянул в пионерскую комнату. Там уже никого не было. На третьем этаже тоже никого не было. Лишь в дальнем конце коридора слышалось какое-то поскрёбывание.

Толик побрёл туда. Там была нянечка. Она вытирала пол сырой тряпкой. Она покосилась на Толика, но ничего не сказала. Толик стал смотреть, как она вытирает пол. Наконец нянечка не выдержала.

– Ты чего домой не идёшь? – сказала она. – Сегодня телевизор детский.

– Детский уже кончился, – ответил Толик. – Его в пять показывают.

– Ну всё равно – иди. Не мешайся, – сказала нянечка.

– А хотите, я вам помогу, – предложил Толик.

– Чего это с тобой сегодня случилось? – удивилась нянечка.

– А я вообще люблю помогать, – сказал Толик.

– Сказано тебе – иди, – рассердилась нянечка. – Ещё наработаешься.

Делать нечего. Толик медленно спустился по лестнице. Осторожно приоткрыл дверь и выглянул на улицу. За оградой школы на тротуаре стояли ребята. У Толика похолодело в животе. Он надеялся, что они уже ушли. Но они не ушли. Они ждали Толика. И вовсе не затем, чтобы пригласить его поиграть в футбол или шайбу. Просто его хотели поколотить.

Там были Женя Громов, Саша Арзуханян, Лёня Травин. Немного в стороне от них стоял Мишка Павлов. Мишка драться не будет, скорее всего он заступится, потому что Мишка всё-таки друг. Травин тоже не в счёт. Если он придёт домой с поцарапанными пальцами, его за это не похвалят. Зато уж Громов и Арзуханян времени терять не будут. Они всегда ходят вместе, заступаются друг за друга. Их побаиваются даже пятиклассники.

Толик вздохнул и сунул руку в карман. Очень уж ему не хотелось тратить спичку на такие пустяки. Но ничего не поделаешь. Шишки получать ему не хотелось ещё больше.

Толик достал коробок. Прежде чем сломать спичку, он ещё раз выглянул за дверь. Может, ушли? Ну ладно, пускай стоят. Им же хуже. Теперь Толик знал, что загадать. Он сейчас такое загадает, что они не обрадуются.

Толик переломил спичку. Второпях он забыл про Мишку. Конечно, про него не надо было загадывать. Мишка, наверное, остался, чтобы помочь Толику. Но Толик об этом просто не подумал. Он загадал про всех сразу и вышел на улицу.

Ребята увидели его.

– Иди, иди, – сказал Арзуханян. – Иди, не бойся. Из-за тебя Анна Гавриловна с нами поссорилась. Сейчас ты получишь.

– Толик, не бойся! – крикнул Мишка.

– А ты, Павлов, лучше отойди, – сказал Громов. – А то и тебе попадёт.

– Не вмешивайся, Павлов. Я тоже не вмешиваюсь, – сказал Лёня Травин и засунул поглубже в карманы свои драгоценные руки.

– А я и не боюсь! – крикнул Толик. И, чтобы ребята ещё больше разозлились, добавил: – Чихать я на вас хотел. Понятно?

Толик подошёл и встал напротив Арзуханяна. Тогда Мишка тоже подошёл и встал сзади Толика. А Женя Громов встал сзади Мишки.

– Да ты не бойся, – сказал Арзуханян и сплюнул на ботинок Толика, но не попал.

– Да я не боюсь, – ответил Толик и сплюнул на ботинок Арзуханяна и попал.

– Ах так? – сказал Арзуханян.

– Да, так... – ответил Толик.

– Ну, тронь... – сказал Арзуханян.

– А ты тронь, – ответил Толик.

– Я-то трону.

– Попробуй.

– Я-то попробую.

– Чего же ты не трогаешь?

– Я-то трону, – сказал Арзуханян, размахнулся и стукнул Громова.

– Ты чего дерёшься! – закричал Громов и стукнул Мишку.

– Ты чего пристаёшь! – закричал Мишка и стукнул Лёню Травина.

Лёня Травин очень удивился. Он подумал немного, вынул из карманов свои драгоценные руки и стукнул Арзуханяна. Началась свалка. Громов, Арзуханян, Травин и Мишка колотили друг друга, а Толик стоял рядом, но они как будто не замечали его. Они кричали:

– Вот тебе за Анну Гавриловну!

– Вот тебе за пятёрку!

В общем, они кричали всё про Толика, но молотили друг друга. Они подняли такой шум, что ворона, примостившаяся на ночь под крышей школы, проснулась, посмотрела вниз, каркнула и полетела досыпать на другую улицу.

Интереснее всего было то, что Арзуханян всё время пытался стукнуть Громова, хоть они и дружили с первого класса. А Травину, который вообще уж ни в чём не был виноват, больше всего доставалось от Мишки. А сам Травин не обращал на Мишку внимания. Он вцепился в Арзуханяна и выкручивал ему ухо своими музыкальными пальцами.

Всё это продолжалось до тех пор, пока к ним не подошёл какой-то гражданин с веником под мышкой. Наверное, он шёл из бани, потому что лицо у него было красное, распаренное. Недолго думая он хлестнул Травина по спине веником, затем оттащил Арзуханяна от Громова и сказал басом:

– А ну, кто хочет в милицию?

Больше он ничего не успел сказать. Через секунду на месте драки никого не осталось. Травин, Арзуханян и Громов удирали через проходной двор. Они бежали очень быстро, хотя за ними никто не гнался. А Мишка и Толик улепётывали на другую сторону улицы. Они пробежали квартала два и пошли шагом.

– Ничего себе дела, – сказал Мишка, когда немного отдышался. – Я даже не понимаю, чего я с ними драться стал. Я думал за тебя заступиться. А они тебя даже не тронули. Я драться не хотел. Только, знаешь чего... – Мишка оглянулся и прошептал: – У меня руки будто сами размахивались. Честное слово! Я хочу в сторону отойти, а меня будто кто-то не пускает. И руки сами размахиваются... И я – бац! бац! А сам даже не хочу вовсе.

– У тебя, Мишка, руки правда сами размахивались, – подтвердил Толик. – Ты не виноват. Это я виноват. Я про всех загадал, а про тебя забыл загадать, чтобы тебе не драться.

– При чём тут «загадал»? – удивился Мишка.

– При том. Знаешь, у меня чего есть?

– Чего?

– А ты никому не скажешь?

– А я про милицию сказал? – обиделся Мишка.

– Тогда слушай, – сказал Толик. – Сначала ты не поверишь. Но я тебе докажу. У меня есть...

Но тут Толик замолчал. Он вдруг подумал, что Мишке не надо рассказывать про коробок. Конечно, Мишка – друг. Он никому не проболтался про милицию. Но одно дело милиция, а другое – коробок. За этот день Толик так привык к чудесам, что ему казалось, будто он всю жизнь живёт с этим коробком. А Мишка может кому-нибудь проговориться. Тогда у Толика коробок отнимут. Или стащат. Можно сказать, один раз в жизни повезло Толику. Зачем же болтать об этом первому встречному? Конечно, Мишка не первый встречный. И Толик обязательно с ним поделится. Он даст Мишке пять спичек. Или даже десять. А может быть, половину. Но не сейчас. Потом. Завтра. Или послезавтра.

– Так чего у тебя есть? – нетерпеливо спросил Мишка.

– Да ничего у меня нет, – сказал Толик. – Просто я пошутил.

– А ты не врешь? – подозрительно спросил Мишка.

– Нет. Когда я тебе врал? – спокойно ответил Толик.

– А за что тебя в милицию забрали?

– Дорогу перешёл неправильно.

– Я хотел с тобой вместе в милицию пойти, а потом испугался, – признался Мишка.

– Всё равно ты бы ничего не сделал, – сказал Толик. – Они же сильнее.

– Сильнее, – согласился Мишка.

Некоторое время приятели шагали молча. Они уже подошли к переулку, где жил Толик. И тут Мишка спросил:

– Толик, а почему тебе Анна Гавриловна пятёрку поставила? Ты же плохо отвечал. Я ведь сам слышал.

– Я неправильно загадал... – начал было Толик и спохватился. Конечно, загадал он неправильно. Нужно было загадать, чтобы хорошо ответить. А он сломал спичку и сказал: «Пускай мне поставят пятёрку». Анна Гавриловна ничего не могла поделать. Ей пришлось поставить пятёрку за плохой ответ. А ребята всё заметили. Про них Толик ведь не загадывал. Больше он такой глупости не сделает. Но Мишке пока знать об этом совсем не обязательно.

– Чего ты неправильно загадал? – спросил Мишка. – Ты уже второй раз говоришь про «загадал».

– Я же не виноват, – сказал Толик. – Она сама поставила. Ты же сам видел.

– Я видел, – согласился Мишка. – Только я ничего не понимаю.

– До свиданья, Мишка, – сказал Толик. – Меня папа ждёт.

– Завтра придёшь? Будем самолёт доделывать.

– А хочешь, я тебе настоящий самолёт подарю? – засмеялся Толик.

Но Мишка, конечно, не догадался, что Толик говорит всерьёз. Он уже привык, что Толик любит сочинять небылицы. И как всегда в таких случаях, Мишка постучал по лбу согнутым пальцем. И на этот раз Толик не обиделся. Ведь он говорил правду.

Через две ступеньки Толик взлетел на четвёртый этаж.

– Здорово, приятель, – сказал папа, открывая дверь.

– Телевизор кончился? – спросил Толик.

– Для вас кончился, для нас начался, – ответил папа. – Двоек много нахватал?

Толик швырнул портфель на стул.

– Одну пятёрочку нахватал, – сказал он небрежно. – Мама дома?

– Мама на работе. Есть будешь?

– Открой баночку ананасов, – попросил Толик.

– Я тебе дам ананасов, – пригрозил папа. – Я уж тут видел одну пустую банку. Твоя работа?

– Мама сама дала.

– Напрасно дала, – сказал папа. – Договорились же – к празднику. Я вообще не понимаю, что с ней сегодня случилось. Она звонила мне на работу и просила купить тебе два мяча, канадскую клюшку и две шайбы. Зачем тебе два мяча и две шайбы?

– Просто так, – сказал Толик. – Я пошутил. Можно один мяч и одну шайбу. Купишь?

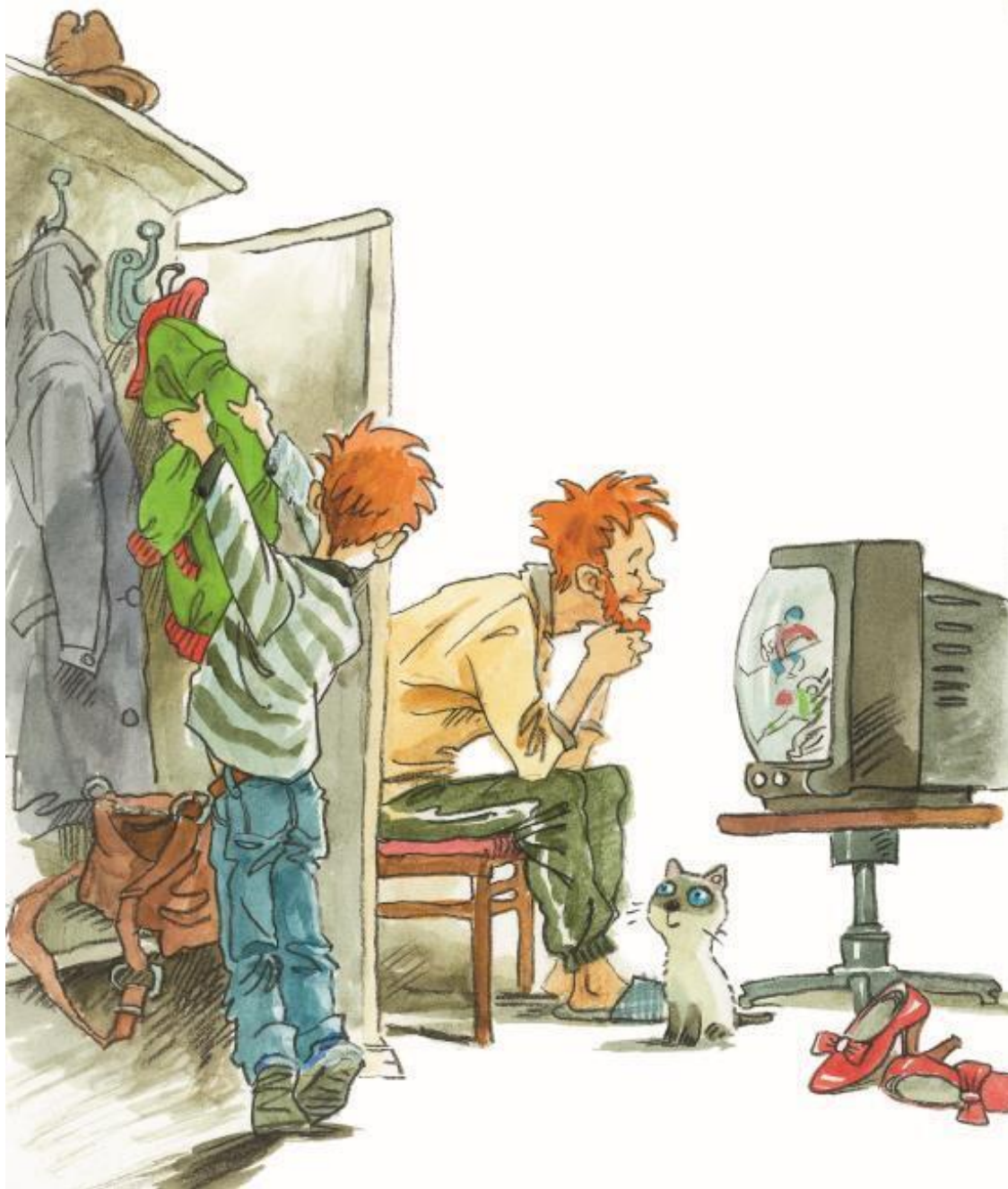
– Посмотрим на ваше поведение, – сказал папа. – Ты, старик, на кухне сам справишься?

А то у меня хоккей начинается.

– Ты смотри, – согласился Толик. – Я сам погрею.

– Молодец, старик, ты у меня уже совсем взрослый, – сказал папа и убежал к телевизору.

У папы сегодня было хорошее настроение. Наверное, его команда выигрывала. Он всегда называл Толика «старик», если ему было весело. А маму тогда называл «старуха». Маме это не нравилось. А Толику было всё равно – старик так старик.

На кухне Толик допил остатки ананасового сока из банки. Затем он поставил на плиту кастрюлю с супом, достал из кармана спички и... сразу забыл про суп. Зато вспомнил, как глупо он израсходовал сегодня столько спичек. Эх, если бы начать день сначала. Ведь если говорить всерьёз, то почти все спички были истрачены почти зря.

Первую капитан сломал и выбросил в пепельницу, но ничего не сказал, и она пропала, как самая обыкновенная спичка.

Второй спичкой капитан превратил Зайцева в голубя. Зайцев не понравился Толику. Но от того, что на свете стало одним Зайцевым меньше, а одним голубем больше, Толику не было никакой пользы.

Третья спичка отправила толстяка в милицию. Это ещё ничего. В другой раз не будет смеяться. Пусть поплачет вместе со своими толстыми детьми.

Четвёртая – маме. Хорошо это или нет, ещё неизвестно. Если купят мяч, клюшку и шайбу, тогда ещё ничего.

Пятая – совсем глупая. Ведь из-за неё пришлось потратить и шестую. А главное, ребята всё равно не забудут про пятёрку. Про неё ведь Толик не загадывал. Ещё из этого дела придётся выкручиваться. Вот явится завтра Толик в школу, а его снова начнут спрашивать про пятёрку...

Толик вздохнул. Ничего не поделаешь. Надо потратить ещё одну.

Толик переломил спичку и сказал:

– Пусть ребята забудут про пятёрку.

Толик с сожалением разглядывал обломки спички. Это были мячи, клюшки, отличные отметки, банки ананасов и сотни порций мороженого. Всё это пропадало вместе со спичкой.

«А может быть, я могу загадать ещё какое-нибудь желание?» – подумал Толик и крикнул первое, что пришло в голову:

– Хочу сто сливочных тянучек!

Толик посмотрел на потолок, откуда, как он думал, свалятся тянучки. Но на потолке тянучек не было. Там сидела первая весенняя муха и потирала ладошки.

Одна спичка могла выполнить за раз только одно желание.

Толик выложил на стол все спички и принялся их пересчитывать.

В этот момент в комнате, где сидел папа, раздался оглушительный рёв телевизора. Затем выбежал папа и крикнул:

– Старик, наши ведут два – ноль! Будет тебе клюшка!

Толик быстро прикрыл спички руками, но папа не обратил на них никакого внимания и снова скрылся в комнате.

А Толик моментально собрал спички и отправился спать. Он очень устал сегодня и заснул сразу. Ему снилась прекрасная жизнь, в которой исполняются все желания. Ему снилось всё сразу: горы клюшек, тысячи мячей и ещё – как они с Мишкой летят на космическом корабле «Восток-1», а внизу стоит папа, грозит им пальцем и кричит, чтобы они скорее спускались.

Утром Толик проснулся рано, он долго лежал с открытыми глазами и всё старался понять, отчего ему сейчас так хорошо и приятно. Он чувствовал себя так, будто сегодня был первый день каникул, а впереди – длинное лето, когда можно каждый день купаться и не ходить в школу. В общем, что-то радостное было впереди, но никак не вспоминалось, что именно.

В коридоре слышались осторожные шаги. Поскрипывал паркет. Это мама тихонько пробиралась на кухню. Тихонько, чтобы не разбудить Толика. На кухню – чтобы приготовить ему завтрак.

Толик слышал, как зашумел газ и звякнуло что-то железное. Потом всё стихло. Наверное, мама прикрыла дверь.

Толик закрыл глаза и стал вспоминать всё в обратном порядке. Вот он летит на спутнике, а внизу – папа, Мишка – рядом. Он в космическом костюме. А Толик – в школьной форме. И как будто он не внутри кабины, а снаружи. Но дышится ему легко, и он видит папу, который приказывает им спускаться. А Толик кричит: «Всё в порядке. Самочувствие отличное!» – и увеличивает скорость. Это, конечно, сон.

А вот – канадские клюшки, сложенные кучами, как дрова. И это сон.

Папа вбегает на кухню и кричит, что наши ведут: два – ноль. Это уже не сон, потому что перед этим было... И тут Толик вспомнил, что было перед этим, и похолодел. Он быстро сунул руку под подушку. Коробок был там. «Ура!» – крикнул Толик. Конечно, крикнул он мысленно, про себя. Кричать вслух не стоило: мама могла услышать и поинтересоваться, почему он кричит «ура», вместо того чтобы чистить зубы.

Коробок лежал под подушкой. И теперь было понятно, отчего Толику так легко и совсем не хочется спать. Всё это было оттого, что коробок не приснился. Он был настоящий. Он был волшебный. А Толик был теперь самый счастливый человек на свете.

Дверь приоткрылась. В щёлке показался настороженный мамин глаз.

– Ты не спишь? – послышался шёпот.

– Я давно проснулся, – ответил Толик, засовывая спички поглубже под подушку.

– С добрым утром! – сказала мама, входя в комнату. – А я уже приготовила тебе завтрак – твои любимые оладьи с вареньем. Иди скорее умывайся.

– Можно я не буду умываться? – спросил Толик.

– Конечно, – охотно согласилась мама. – Ходи грязный, если тебе хочется.

Толик подозрительно взглянул на маму. А мама ласково смотрела на Толика. И лицо её сияло таким доброжелательством, что сомнений не оставалось: коробок продолжал действовать.

– И зубы чистить не буду, – сообщил Толик.

– Ну, разумеется, – сказала мама и нахмурилась. – Я всегда возмущалась матерями, которые принуждают своих детей чистить зубы. Но я не из таких. Дети должны делать, что им хочется. А матери должны выполнять все их желания. Иначе – для чего бы мне жить на свете? Конечно, только для тебя – самого дорогого и любимого моего мальчика.

Пока неутомимый Толик уплетал оладьи с вареньем, мама не сводила с него глаз. Она следила за каждым его движением, подкладывала на тарелку варенье, подвигала поближе стакан с кофе и, казалось, была вне себя от счастья, наблюдая, как Толик пережёвывает оладьи нечищеными зубами.

– Спасибо, – сказал Толик, прожевав девятую оладью.

Мама смутилась:

– Ну что ты, Толик... Это я должна сказать тебе спасибо.

– За что?

– За то, что ты так хорошо покушал.

– Не стоит, – сказал Толик. – Мам, я пойду уроки учить.

– Ты у меня умница, – сказала мама. – Учи хорошенько. Будешь учёным.

– Или пойду лучше погуляю? – спросил Толик.

– Конечно, лучше погуляй, – обрадовалась мама. – Зачем тебе уроки учить! Не всем же быть учёными. Расти лучше неучем.

Засунув коробок поглубже в карман, Толик вышел во двор.

Утро было солнечное, но во двор солнце ещё не пришло. Оно гуляло где-то над крышами, с которых свесились уже маленькие, истекающие последними слезами сосульки. В этот двор

солнце приходило лишь к концу дня. И это было очень хорошо. Только поэтому сохранилась ещё в дальнем конце двора площадка с утоптаным снегом, на которой ребята гоняли шайбу.

Они были там и сейчас. Ровесники Толика, и ребята поменьше, и даже совсем малыши. Первыми выходили гулять малыши: им не нужно было учить уроков. Они приносили палки, обломки дедовых тросточек, доски от ящиков и прочее деревянное барахло. У них не было ни одной настоящей клюшки, а шайбу заменял резиновый мячик. Малыши кучей носились по площадке, орали, били друг друга по ногам своими палками и воображали, что играют в хоккей.

Попозже, выучив уроки, выходили ребята из третьих, четвёртых и пятых классов. Малышей прогоняли с площадки, и начиналась игра уже посерьёзнее. Настоящих клюшек и у них было немного, но у них была шайба, а самодельные клюшки всё-таки походили на взаправдашние, потому что состояли из двух палок, прибитых друг к другу под углом.

Когда Толик вышел из дому, час малышей уже кончился. Некоторые, правда, пытались робко дотронуться своими палками до настоящей шайбы, прыгающей по площадке, но их «слегка» подталкивали, и они вылетали с площадки быстрее шайбы.

Играли без коньков. Вместо ворот служили два ящика, поставленные набок.

– Иди сюда, Толик, – позвали ребята.

Толик нехотя подошёл. Играть ему хотелось. Но он знал, что никто не отдаст ему клюшки, а свою Толик сломал два дня назад.

– У меня клюшки нет, – сказал Толик.

– Становись на ворота.

– На воротах тоже клюшка нужна.

– А ты вон у него возьми.

Толик хмуро взглянул на последнего малыша, чудом уцелевшего на площадке. В руках у него было что-то вроде обломка костыля. Не очень-то большое удовольствие играть такой закорючкой! Но всё же это лучше, чем стоять в стороне.

– А ну дай сюда! – приказал Толик.

Малыш жалобно взглянул на Толика своими ясными глазами и протянул ему закорючку.

– А ну беги отсюда! – грозно сказал Толик.

Малыш понял, что до конца игры клюшки ему не видать как своих ушей. А если её сломают, то и вообще не видать. Но ничего не поделаешь. Малыш вздохнул и отошёл в сторону, мечтая о том времени, когда он вырастет, и ему купят настоящую клюшку, и он этой клюшкой огреет Толика по затылку.

Игра началась стремительной атакой на ворота Толика. Нападающие и защитники столпились возле ящика и молотили клюшками по шайбе. И так как они ударяли почти одновременно, то шайба не продвигалась ни назад ни вперёд, а лишь слегка подпрыгивала на месте. Наконец кому-то удалось вытолкнуть её на свободное место. Толик заметался в воротах, встал на одно колено, как это делают настоящие вратари. Бросок! Шайба попала Толику в колено и отскочила в поле. Тут же её подхватили защитники и помчались к другим воротам. Толик потёр ушибленное колено, но, увидев, с каким восхищением смотрят на него малыши, выпрямился и небрежно сплюнул.

Тем временем шайба застряла у чужих ворот. Её гоняли с края на край, швыряли по воротам издалека и с близкого расстояния, но никак не могли попасть. Там не было вратаря, и вместо ворот поставили совсем маленький ящик.

Наконец один нападающий из команды Толика вывел шайбу за ворота и забил её с другой стороны в щель между досками. Игра прекратилась. Ребята сгрудились в кучу и спорили, считать гол или нет. Толику было скучно. Не очень большое удовольствие торчать в воротах и ждать, пока к ним подкатится шайба. Может быть, ещё целый день будут гонять на серединке.

Тем более что скоро придут шестиклассники и семиклассники и попрут с поля всех до единого. У них своя игра.

Скучая, Толик оглядывал двор. Он увидел, как из парадного вышла мама и направилась на улицу. Она торопилась, наверное, в магазин.

Но вот шайба снова вернулась к воротам Толика. На этот раз его огрели клюшкой по другому колену и забили гол. Потом снова надолго застряли на противоположном конце площадки. Шайбу, забитую сквозь щель, не засчитали, и, значит, противник вёл один – ноль. От этого становилось ещё скучнее. Толик любил забивать, а не пропускать голы.

Снова появилась мама. Она что-то несла в руках. Нет, не что-то! Толик бросил ворота и побежал маме навстречу. Ребята остановили игру и с завистью смотрели, как мама Толика протягивает ему новенькую канадскую клюшку.

– Ты просил две, – сказала мама, – но в магазине осталась одна-единственная. Я уж с ними ругалась, ругалась... Говорят, одна, больше нет. И мячей нет. Просто безобразие! Я сейчас поеду в универмаг.

– Ничего, – сказал Толик, – потом купишь. Тебе ведь на работу надо.

– Ну, работа – не важно, – отмахнулась мама. – Важно, чтобы у тебя было всё необходимое для этой замечательной игры, хоть я и не знаю, как она называется.

– Мама, иди, пожалуйста, на работу, – нервно сказал Толик. Он видел, что ребята прислушиваются к их разговору. Он боялся расспросов.

– Если ты меня отпускаешь, я иду. До свидания, мальчик, – сказала мама.

Ребята засмеялись. Толик небрежно швырнул клюшкой обломок сосульки, и ребята сразу позабыли, чему они смеялись. Тут было не до смеха. Настоящая новенькая клюшка была просто замечательна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.